

Ксодар с недоверчивым изумлением слушал мой рассказ о событиях, разыгравшихся на арене во время ритуала. Хотя его вера в божественность Иссы была сильно поколеблена, все же он никак не мог понять, как можно было осмелиться угрожать богине мечом и не рассыпаться на тысячи кусков от ее гневного взгляда.

– Это – последняя капля, – сказал он, наконец. – Моя вера окончательно умерла. Исса просто злобная старуха, облеченная огромной властью, которую она употребляет исключительно на злые дела. Разными хитростями ей удавалось держать мой народ и весь Мусраб под гнетом суеверий и ритуальных тайн.

– Однако она все еще всемогуща, – ответил я. – Нам нужно покинуть эти места при первом благоприятном случае!

– Будем надеяться, что ты найдешь этот благоприятный случай! – сказал он со смехом. – Я могу только заверить, что за всю мою жизнь я ни разу не видел ни одного благоприятного случая, при котором пленник перворожденных смог бы бежать!

– Можно попробовать сегодня ночью, – ответил я.

– Ночь скоро наступит. Каким образом я могу помочь тебе, Алекс?

– Умеешь плавать?

– Ни один силиан в глубинах Коруса не чувствует себя в воде лучше, чем Ксодар, – гордо ответил чернокожий.

– Хорошо! Юноша вряд ли умеет, – сказал я. – Если собрать всю воду в их владениях, то по ней нельзя было бы пустить даже челнок. Поэтому одному из нас придется его поддерживать, пока доплывем до судна. Я надеюсь, что мы сможем проплыть все расстояние под водой, но вряд ли красный юноша это выдержит!

– Красный юноша будет нас сопровождать? – спросил Ксодар.

– Да.

– Это хорошо. Три меча лучше двух, в особенности, если третий такой сильный, как его меч. Я много раз видел, как он сражался на арене во время ритуала Иссы. Кроме тебя, я не встречал никого, кто лучше владел бы оружием. Про вас двоих можно сказать, что вы будто учитель и ученик, или отец и сын. Даже если припомнить его лицо, то между вами есть сходство. Это особенно заметно, когда вы сражаетесь – та же жестокая улыбка, то же бесконечное презрение к своему противнику, которое выражается в каждом движении вашего тела, в каждом выражении вашего лица.

– Как бы то ни было, Ксодар, но он великий боец. Я думаю, нас троих нелегко будет сразить, а если бы среди нас был мой друг Тарс Таркас, джедак тарков, то мы могли бы пробить себе путь с одного края Мусраба на другой, даже если бы весь свет восстал против нас!

– Так оно и будет, – сказал Ксодар, – если они узнают, откуда вы явились. Этим суеверием легкомысленные люди обязаны Иссе и ее священникам. Она делает свое дело через черных жрецов, которые, однако, так же мало знают о ней, как мусрабец внешнего мира. Жрецы получают ее указы, написанные кровью на особом пергаменте, и воображают, что откровения богини доходят до них каким-то сверхъестественным образом. Они находят ее указы на своих алтарях, к которым нет доступа, и трясутся от суеверного страха. Я сам в продолжение многих

лет носил им эти указы Иссы к главному храму Матаи Шанга и знаю все. Существует длинный туннель, который ведет от храма Иссы к главному храму Матаи Шанга. Он был прорыт много веков тому назад рабами перворожденных. Эти работы держались в такой тайне, что ни один жрец и не догадывается о его существовании.

- С другой стороны, тайные храмы жрецов рассеяны по всему миру. В них священнослужители, которых народ никогда не видит, распространяют учение о таинственной реке Иссы, о долине Дор и мертвом озере Корус. Они убеждают обманутых людей совершить добровольное паломничество, которое увеличивает богатство святых жрецов и число их рабов.

- Жрецы, таким образом, являются главным орудием для собирания богатств, которые перворожденные забирают, когда им это нужно. Иногда перворожденные сами делают набеги на внешний мир. Тогда они забирают в плен женщин из дворцов красных людей, забирают новейшие корабли и берут в плен мастеров, которые их строят.

- Мы - непроизводящая раса и гордимся этим. Перворожденные считают позором трудиться или изобретать. Это дело низших пород, которые существуют только для того, чтобы перворожденные могли наслаждаться роскошью и ничегонеделаньем. Единственное наше дело - сражения и борьба. Если бы не это, то перворожденных было бы столько, что все люди Мусраба не смогли бы их прокормить. Насколько я знаю, никто из нас не умирает естественной смертью. Наши женщины жили бы вечно, но они нам надоедают, и мы избавляемся от них, чтобы заменить другими. Только одна Исса защищена от смерти. Она живет уже бесчисленные века.

- Может быть, и другие мусрабцы жили бы вечно, если бы не было учения о добровольном паломничестве, в которое они отправляются, когда им исполняется тысяча лет? - спросил я его.

- Я начинаю думать, - ответил Ксодар, - что они той же породы, что и перворожденные. Надеюсь, что мне придется сражаться за них, чтобы искупить грехи, которые я совершил по неведению!

Дальнейший наш разговор был прерван зловещим криком, прокатившимся над Омином. Накануне я слышал его в то же время и знал, что он обозначает конец дня. После ночного сигнала люди на Омине раскладывали свои шелковые одеяла на палубах кораблей и погружались в глубокий сон.

Стражник вошел, чтобы произвести последний обход. Он быстро выполнил свою обязанность, и тяжелая дверь темницы закрылась за ним. Мы остались одни на всю ночь.

Я дал сторожу время дойти до своего помещения и вскочил на решетчатое окно, чтобы произвести наблюдения. На небольшом расстоянии от острова, приблизительно в четверти километра, лежал на воде чудовищный военный корабль, а между ним и берегом находилось несколько небольших крейсеров и одноместных гидропланов. Только на военном корабле стоял часовой. В то время как я наблюдал за ним, я увидел, что он разостлал одеяло на своей маленькой платформе и вскоре растянулся во весь рост. Как видно, дисциплина на Омине здорово хромала. Оно и неудивительно, если принять во внимание, что ни один враг не только не знал о существовании такого флота, но даже не догадывался о существовании моря Омин и самих перворожденных. Для чего же им было держать часовых?

Я спрыгнул на пол и принялся описывать Ксодару различные суда, которые я видел.

- Одно из этих судов, - сказал он, - моя личная собственность. Оно может поднять пятерых и

самое быстроходное из всех. Если бы нам удалось сесть на него, то, пожалуй, удалось бы и удрать.

Он начал объяснять мне снаряжение судна и устройство машины. Из его объяснений мне стало ясно, что перворожденные украли его из флота Гелиума, потому что только у гелиумцев использовалась система зубчатых колес, приводящих машину в движение. Если это было так, то Ксодар не напрасно превозносил быстроту своего корабля. Никакие другие суда не могут сравниться со скоростью судов Гелиума.

Мы решили обождать час, чтобы успели улечься еще бодрствующие. Я пошел за красным юношей, чтобы быть всем троим наготове.

Я прыгнул на верхний край нашей перегородки, которая оказалась шириной в целый метр, и пошел по ней, пока не добрался до камеры юноши. Он сидел на скамейке, прислонившись к стене, и смотрел вверх на светящийся свод над Омином. Увидев меня, на перегородке, он раскрыл глаза в изумлении.... Затем улыбка разлилась по его лицу. Я остановился, собираясь спрыгнуть вниз, но он жестом остановил меня и, подойдя поближе, умоляюще прошептал:

- Поймай меня за руку! Я почти могу сам допрыгнуть до верхушки стены. Я много раз пробовал, и каждый день прыгаю немного выше. Уверен, что, в конце концов, смог бы допрыгнуть!

Я лег на живот поперек стены и протянул к нему вниз руку. Он взял небольшой разбег с середины комнаты и подпрыгнул вверх, а я схватил его за руку и втащил на перегородку.

- Никогда не видел на Мусрабе такого прыгуна, как ты, - сказал я ему.

Он улыбнулся.

- Это не удивительно. Я тебе расскажу причину, когда у нас будет больше времени.

Мы вместе вернулись в камеру, где нас ждал Ксодар, спустились на пол и провели остаток времени за разговором. Мы составили план на ближайшее будущее и связали себя торжественной клятвой биться друг за друга до смерти, какие бы враги нам ни угрожали. Ведь, если бы нам даже и удалось бежать от перворожденных, против нас должен был подняться целый мир - так велика сила фанатизма и религиозных предрассудков.

Было решено, что если нам удастся достигнуть судна, управлять им буду я, и что мы прямым путем полетим в Гелиум.

- В Гелиум? Почему? - спросил юноша.

- Я принц Гелиума, - ответил я ему.

Он бросил на меня странный взгляд, но ничего не сказал. Меня удивило выражение его лица, но спешные приготовления к побегу отвлекли меня, и только много позже вспомнил об этом инциденте.

Настало время идти. Через минуту мы с юношей очутились на верхушке перегородки. Расстегнув свои ремни, я связал их длинной полосой и спустил ожидавшему внизу Ксодару. Он схватился за конец и вскоре сидел рядом с нами.

- Как просто, - засмеялся он.

- Остальное будет еще проще! - успокоил я его.

Затем я поднялся к верхушке внешней стены темницы, чтобы заглянуть через нее и понаблюдать за проходящим часовым. Я прождал около пяти минут, а затем он появился из-за угла своей медленной развалистой походкой.

Как только он обогнул сторону темницы, откуда мы должны были бежать, я схватил Ксодара за руку и втащил его на стену. Сунув ему в руку, конец ремня, я быстро спустил его вниз. Затем ремень схватил юноша и тоже соскользнул вниз.

Как мы и уговорились, они не дожидались меня, а медленно направились к берегу. Расстояние до воды было около пятидесяти метров, и нужно было пройти как раз мимо сторожки, переполненной спящими солдатами.

Едва они сделали десять шагов, как я тоже соскочил вниз и, не торопясь, последовал за ними.

Проходя мимо сторожки, подумал о тех мечах, которые там лежат. Я остановился. Если кому-нибудь и нужны были эти мечи, то, конечно, больше всего нам, собиравшимся в такое опасное путешествие!

Я взглянул в сторону Ксодара и юноши увидел, что они соскользнули через борт дока в воду. По уговору, они должны были зацепиться за металлические кольца, вделанные в каменные глыбы дока на уровне воды, и ждать, пока я не присоединюсь к ним.

Мечи в сторожке непреодолимо притягивали меня, я мучительно колебался, не зная, на что решиться. Каждая минута промедления грозила нам гибелью. Я взял себя в руки и в следующую минуту уже неслышно крался по направлению к двери сторожки. Приоткрыв дверь настолько, чтобы заглянуть внутрь комнаты, я увидел десяток чернокожих, растянувшихся на одеялах и погруженных в глубокий сон. В дальнем конце комнаты стояли оружейные козлы и в них были пистолеты и мечи. Больше ничего не было видно; осторожно толкнул дверь еще раз. Дверная петля протяжно скрипнула. Сердце мое упало. Один из людей зашевелился. Я проклинал себя, что своим рискованным шагом, может быть, помешал всему плану нашего бегства. Но отступить было поздно.

Как тигр, прыгнул я быстро и бесшумно к тому воину, который пошевелился. Мои руки протянулись над его горлом, ожидая момента, когда он раскроет глаза. Моим напряженным нервам показалось, что я застыл в этом положении на целую вечность. Солдат что-то промычал, повернулся на бок, и снова послышалось мерное дыхание спящего.

Осторожно пробираясь между солдатами и через них, я подошел к козлам. Здесь я обернулся, чтобы оглядеть спящих. Все было тихо. Их спокойный храп казался мне очаровательной музыкой.

Тихонько вытащил я меч из козла. Шорох ножен о козлы раздавался в моих ушах как оглушительный шум, я ожидал, что в комнате поднимется тревога. Но никто не пошевелился.

Второй меч мне удалось вытащить бесшумно, но третий громко зазвенел. Теперь, несомненно, должен был проснуться, по крайней мере, один из стражников... Я готов был уже броситься к дверям, чтобы предупредить их нападение, но к моему изумлению никто даже не пошевелился. Или они крепко спали, или производимый мною шум на самом деле был менее сильным, чем мне казалось.

Я уже собирался уйти, когда обратил внимание на пистолеты. К сожалению, более одного унести я не мог: так как был перегружен мечами и не мог двигаться быстро. В то время как я вынимал пистолет, взгляд мой упал на окно, находившееся около самых козел. Это был великолепный путь к бегству. Оно выходило прямо на док, и было менее чем в пяти метрах от воды.

Я уже поздравлял себя с успехом, когда внезапно раздался шум раскрывающейся двери, и на пороге выросла фигура начальника стражи! Одного его взгляда, было достаточно, чтобы оценить всю остроту положения и, надо отдать ему должное, он сделал это с такой же быстротой, как я. Одновременно подняли мы наши револьверы, и звуки выстрелов слились в один.

Пуля просвистела у моего уха, и я успел заметить, что он зашатался. Не знаю, ранил я его или убил, потому что в то же мгновение я бросился в окно. Через секунду воды Омина сомкнулись над моей головой, и мы все трое лихорадочно поплыли к небольшому аппарату, который был метрах в десяти от нас.

Ксодар плыл, помогая юноше; а я держал мечи: пистолет я выронил. Несмотря на то, что мы были сильными пловцами, мне казалось, что мы ползем, как улитки. Я плыл все время под водой, но Ксодар был вынужден часто подниматься, чтобы дать юноше возможность дышать. Поэтому приходилось удивляться, что стражники не сразу обнаружили нас.

Мы уже достигли борта лодки и уселись в нее, когда часовой военного корабля, разбуженный выстрелами, заметил нас. Громкий пушечный залп прокатился глухими раскатами под скалистым сводом Омина. Немедленно проснулись тысячи спящих солдат. Тревога в Омине была таким редким случаем!

Я успел пустить в ход машину раньше, чем замер звук первого пушечного выстрела, и через секунду мы быстро поднялись с поверхности воды. Я растянулся во всю длину на палубе, имея перед собой рычаги и кнопки управления. За мной лицом вниз лежал Ксодар и юноша.

– Подымайся выше, – прошептал Ксодар. – Они не посмеют стрелять из тяжелых орудий по направлению к своду, осколки снарядов упадут обратно на их суда. Если мы заберемся достаточно высоко, то килевая обшивка защитит нас от ружейного огня.

Я сделал, как он говорил. Мы видели, как под нами люди сотнями прыгали в воду, направляясь к небольшим крейсерам и одноместным аэропланам, привязанным к большим кораблям, как шлюпки. Несколько крупных судов быстро следовали за нами, но не поднимались с поверхности воды.

– Держи правей! – вскричал вдруг Ксодар.

Адский шум внизу все усиливался. Трещали выстрелы, начальники отдавали приказание, солдаты перекликались с палуб судов, и все звуки покрывались шипением и треском пропеллеров, прорезавших воду и воздух.

Я не решался развить максимальную скорость, боясь залететь за отверстие, ведущее из подземного царства во внешний мир, но мы мчались очень быстро. Маленькие аэропланы уже поднимались с воды, когда Ксодар закричал: «Отверстие, отверстие!» и я увидел прямо впереди темную зияющую дыру.

Десятиместный крейсер поднимался прямо впереди нас, чтобы отрезать нам путь к спасению. Это было единственное судно на нашем пути, но, судя по скорости, с которой оно летело, оно

могло успеть встать между нами и выходом и уничтожить все наши планы.

Крейсер поднимался под углом в сорок пять градусов, явно намереваясь пролететь над нашей палубой и зацепить нас большими крюками. Оставалась слабая надежда на один маневр, и я решил применить его. Стараться пролететь над крейсером, было бесполезно, он загнал бы нас под самый свод. Опуститься – означало отдаться целиком в его власть, то есть поступить как раз так, как он хотел. Со всех сторон сотни судов спешили к нам. Мое решение казалось рискованным, но ведь весь наш план бегства был безумной игрой с судьбой, и надежды на успех было мало.

Когда мы приблизились к крейсеру, я сделал такое движение, что он решил, что я намерен подняться над ним. Тотчас, как я и рассчитывал, он поднялся под еще более крутым углом, чтобы принудить меня забраться еще выше. Когда мы оказались почти над ним, я крикнул моим спутникам как можно крепче держаться, и, развив максимальную скорость, накренил нос и со страшной силой пустил машину на врага.

Командир понял мои намерения, но ничего не смог уже сделать. Почти в самую минуту столкновения я выровнял аппарат, произошел сильный толчок. То, на что я надеялся, случилось: крейсер сильно накренившийся, перевернулся. Экипаж с криками и воплями упал в воду, в то время как крейсер с все еще вращающимися пропеллерами нырнул на дно Омина.

От столкновения расплющило нос нашего судна и чуть не сбросило всех нас с палубы. Ксодару и мне удалось ухватиться за перила; но юноша упал бы за борт, если бы мне не удалось схватить его за ногу.

Аэроплан, не управляемый никем, продолжал с бешеной скоростью подниматься все выше и выше к скалистому своду. Однако через секунду я уже снова был у руля. До верхних скал оставалось не более пятнадцати метров, когда мне удалось повернуть аппарат и снова направить его к отверстию.

Столкновение задержало нас, и сотни кораблей гнались за нашим судном. Ксодар крикнул мне, что если мы будем подниматься только при помощи подъемной силы отталкивающих лучей, мы ни за что не сможем спастись от преследующих нас аэропланов.

Быстроходные аппараты редко снабжались большими резервуарами подъемной силы, и все преимущество должно было оказаться на стороне более крупных судов. Казалось неизбежным, что нас настигнут в проходе, и мы будем или убиты или захвачены в плен.

Но я всегда верил, что как, ни бывает трудно, всегда можно найти способ одолеть препятствие. Если нельзя его обойти, то нужно пройти прямо через него. Я знал, что многие суда поднимаются быстрее нашего в силу их большей подъемной силы, но, тем не менее, я твердо решил достигнуть внешнего мира быстрее, или, в случае неудачи, умереть.

– Обратный ход! – завопил сзади меня Ксодар. – Из любви к твоему первому предку, дай обратный ход! Мы уже у прохода!

– Держись! – закричал я в ответ. – Подстрахуй юношу и держись! Мы летим в проход!

Едва я успел проговорить эти слова, как мы очутились у черной дыры. Я повернул аппарат носом вверх, сдвинул рычаг скорости на последнюю зарубку и судорожно ухватился руками за штурвал. У Ксодара вырвался вздох изумления, Юноша засмеялся и проговорил что-то, но ветер с такой силой свистел вокруг меня, что я не мог разобрать его слова.

Я взглянул наверх, надеясь уловить слабый блеск звезд, чтобы руководствоваться ими и удерживать аппарат в самой середине прохода. Если бы мы, при нашей скорости, ударились о боковые стены, последовала бы немедленная смерть для всех нас.

Но наверху не было видно, ни единой звезды. Всюду царил полнейший непроницаемый мрак.

Тогда я посмотрел вниз и увидел быстро уменьшающийся световой круг – отверстие прохода, освещенное фосфорическим светом Омина. Руководствуясь им, я держал путь дальше, стараясь оставаться в середине фосфорического круга. Но должен признаться, что в эту ночь мною больше правили инстинкт и слепая судьба, чем умение и разум.

Мы стрелою пролетели сквозь проход; это-то и спасло нас. Вероятно, нам сразу посчастливилось взять верное направление, и мы не успели даже изменить курс. Омин лежал в двух километрах под поверхностью Тары, а мы мчались со скоростью двухсот километров в час – значит оставались в проходе не более сорока секунд.

Мы вылетели из горы и пролетели некоторое время, пока я понял, что мы совершили невозможное. Нас окружала глубокая тьма. Не было видно ни звезд, ни лун. Первый раз приходилось мне наблюдать подобное явление на Таре, и в первую минуту это поставило меня в тупик. Затем я понял, в чем дело. Мы находились на южном полюсе, и было летнее время. Льды и снега таяли, и облака, на большей части Мусраба, заволокли небо.

Это было для нас счастьем, и я сразу воспользовался этим обстоятельством. Все еще держа аппарат под углом, я прорезал непроницаемую завесу облаков и скрылся за ними от преследования.

Мы пробились сквозь холодный сырой туман, не уменьшая скорости, и через минуту очутились за облаками, в ярком свете обеих лун и миллионов звезд. Я дал кораблю горизонтальное положение и взял курс на север. Наши враги остались далеко позади и не имели ни малейшего представления о взятом нами направлении. Мы совершили чудо: спаслись из страны перворожденных и прошли невредимыми через тысячи опасностей. За все века существования Мусраба ни одному пленнику не удавалось сделать это, теперь, когда все это позади, мне казалось, что, не так уж это и трудно.

Я высказал Ксодару эту мысль.

– Тем не менее, это поразительно, – ответил он. – И никто другой не смог бы сделать это, кроме Алекса!

При звуке этого имени юноша вскочил.

– Алекс! – воскликнул он. – Алекс! Но слушай, Алекс ведь умер много лет тому назад. Я его сын!